

Притуляк А.А.

БЕЛЫМ ПО БЕЛОМУ

NORD VIND

Публикуется с согласия автора (Притуляк Алексей).

Текст, опубликованный в настоящем издании является интеллектуальной собственностью автора и защищается ч. 4 Гражданского Кодекса РФ, ст.ст. 138, 1259 ГК РФ, ст. 146 УК РФ и гарантируется нормами ст. 44 Конституции РФ.

Исключительное право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение) принадлежит автору.

Копирование и использование текста настоящего издания возможно только с письменного согласия автора. Любое несанкционированное использование текста в коммерческих целях и без согласия правообладателя запрещено и в случае нарушения преследуется по закону.

UBBN 0C0005CE0P002EF-0B80A

Притуляк А.А.

Белым по белому

© 1984-2011, Притуляк А.А.

wildleshij@rambler.ru

«Nord Vind»

<http://nordvind.ucoz.net>

nordvind.mail@gmail.com

2011

Оглавление

Уснувшей на моей груди.....	7
Ну что ты маешься, душа?.....	8
Не могу прикурить.....	9
Вечер ре-мажор.....	10
Постновогоднее.....	11
Выше, голуби!.....	13
Идет бычок, качается.....	14
Ты уйдешь.....	15
***.....	16
***.....	17
Сплин на двоих.....	18
Маргинальный романс.....	19
Вот и все.....	20
Двое идут по вечности.....	21
ICQ блюз.....	22
Баллада о N1035.....	23
Мы говорим с тобою не о том.....	25
Еще одна любовь.....	26
На цыпочках.....	27
Никогда я твоим не буду.....	29
Рондо.....	30
Я люблю, но немного странно.....	31
По-весеннему хмельное.....	33
Афродита.....	34
Любовь — она вольна, как дама полусвета.....	35
Далекое.....	36
Этюд утопленника.....	37
Рондель.....	38
Ловец теней.....	39
Лебедь.....	40
Январь наточил ножи.....	41
Вьюга.....	42
Дитя и демон.....	44

Главному герою.....	50
Друзья уходят.....	51
В тишину роняют звуки.....	52
Город. Любовь. Скука.....	53
***.....	54
Прозревшее дитя.....	55
Черно-белое.....	56
Судьба.....	57
***.....	58
Рождение души.....	59
Пурпурное на голубом.....	60
Вечер ля-минор.....	61
Однажды проснувшись.....	62
Город.....	63
***.....	65
***.....	66
Адажио пиано.....	67
Ода женской рифме.....	68
Город пахнет весной.....	70
***.....	71
Уверовав в бессмертие души.....	72
Мне июнь подарил хризантему.....	73
Небо нынче пьяное немного.....	74
Реквием.....	75
Весна - мажором.....	77
Полчаса до.....	78
Глаза в глаза.....	79
Черт меня дернул.....	80
Так непослушны чувства.....	81
Вне.....	82
Слова сгорают. Остается пепел.....	83
Ты, наверно, права.....	84
Неприкаянность.....	85
Метаморфозы.....	87

Постапокалиптическое.....	89
Я - скелет.....	91
Не догоню.....	92
Мой город - птица.....	94
История полетов.....	95
Сегодня весь день.....	96
Шепотом.....	97
Гроза.....	98
Над Хюглафьордом дождь.....	99
Я стану ветром.....	100
Матушке.....	101
***.....	103
Что-то.....	105
Вдруг.....	106
Не будь моею навеки.....	108
"I Love u" virus.....	109
Не так.....	110
Твоя душа.....	111
Весна на Олимпе.....	112
Истина.....	114
Улететь.....	115
Urbis et orbis.....	116
***.....	117
Десять тысяч.....	118
На мосту остановка запрещена.....	119
Я пуля, ты мой солдат.....	120
Страж пустоты.....	121
Дрожь.....	122
Вечер крадется.....	123
Любовь была.....	124
Женщина-кофе.....	125
Лед.....	126
Еве.....	127
Люди не летают.....	128

Птица.....	129
Рецепт приготовления одиночества.....	130
Пустота.....	131
Когда она вдруг уйдет.....	132
Колыбельная.....	134
***.....	136
Покой.....	137
Когда я однажды состарюсь.....	138
Звонарь.....	139
Что ж ты не спишь?.....	141
А небу и невдомек.....	142
Я был раздавлен на стенке.....	144
Этюд акварелью.....	146
Ревность.....	147
Никогда.....	148
О, время.....	149
Все, что осталось.....	150
Спой меня.....	151
Останься!.....	152

Уснувшей на моей груди

Ты растешь из души моей, тихо и странно -
Белой лилией в сумраке ночи усталой;
Ты струишься в артериях нежностью алой,
Заживляя тобой нанесенные раны.

В пиале твоих губ, что солены и пряны,
Недопитая страсть остывающей лавой;
И касание рук полуночной облавой
Вновь тревожит желаний моих караваны...

Осыпаясь как краска с поблекшей картины,
Отгоревшие звезды провалятся в лето,
Что мне сердце разбило на две половины.

Завтра осень заглянет сквозь шторы, и где-то,
Там, где время обрушено было в руины,
Нас разбудит звенящая скрипка рассвета.

Ну что ты маешься, душа?

Ну что ты маешься, душа?
Ну что ты мечешься, родная,
И замираешь, чуть дыша,
Сама себя не понимая?

Ты в ожидании трамвая,
Ушедшего давным-давно,
Стоишь у линии, мечтая
О том, чему не суждено...

Как глупо... Впрочем, все равно.
Нам выпали смешные роли:
Мы - два шута в немом кино -
Без слов, без разума, без воли.

Давай по двести выпьем, что ли?
И потолкуем, не спеша,
О том, как неказиста доля,
О том, как осень хороша.

И пусть цена нам - два гроша,
Во всем есть смысл, я точно знаю.
Так что ж ты маешься, душа?
Так что ж ты мечешься, родная?

Не могу прикурить...

Не могу прикурить - не горят отсыревшие спички.
Тонет в лужах перрон, как в разливе вселенских морей.
Моей библией стало расписание твоей электрички,
Ожидание субботы стало вредной привычкой моей.
Я не знаю, на кой мне сдалась эта мокрая осень,
Я не знаю, зачем я курю этот гнусный "Опал".
Прихожу и понимаю, что ты не приедешь и в восемь.
Прихожу и ощущению, что я очевидно пропал.
Орхидеи на рельсах - как выходка сюрреалиста.
Полстакана в ботинке - почти стопроцентный симптом.
Вот, мужчина-за-тридцать вдруг стал мужичонкой-за-
триста,
И холеньй котяра вдруг стал шелудивым котом.
И не важно уже, что предчувствия не обманули,
Что в вокзальном буфете - один только кислый "Агдам",
Что вокзальная шлюха с глазами отстрелянной пули
Ожидает меня у киоска "Прием телеграмм"..
Не могу прикурить. Не горят отсыревшие спички.
Тонет в лужах судьба, как в разливе вселенских морей.
Мне теперь вспоминать позабытые за год привычки.
Мне теперь отвыкать от вокзальных слепых фонарей...

Вечер ре-мажор

Лазурное небо кокетливо смотрится в лужи.
Иду переваривать наскоро съеденный ужин,
Доволен собой, воробьями, девчонками в платьях,
Готовый обнять или сам замурлыкать в объятьях.

Очищен минувшей грозой и наивен как в детстве,
Я против войны, наводнений и всяческих бедствий.
Я за: полусонный июнь, воробьев и девчонок,
За кошек, сирень, вкусный ужин и счастье с пеленок.

Позволив себе сигарету и легкость походки
(Как следствие рюмки за ужином выпитой водки)
Я просто иду. Я бесцелен как ветер в пустыне,
Я прост и обычен, вовеки и присно и ныне.

В лазурное небо смотрю и не прячу наива.
А там, в вышине, где все тихо, светло и красиво,
На облаке белом, расплывшись в нетрезвой улыбке,
Мой ангел сидит и тихонько играет на скрипке.

Постновогоднее

Вчера мне приснилось, что я без тебя не могу.
Сегодня я понял, что ты мне совсем не нужна.
Ведь ты - это то, чего не пожелаешь врагу.
Ведь счастье какое, что ты, вот такая, - одна!
В духАх твоих едких с утра задохнулся январь.
Удавом сползают колготки по вешалке вниз.
В душе разливается серая душная хмарь.
Убить бы тебя за вчерашний дурацкий каприз.

С дивана мне скалится твой надувной крокодил.
Вы чем-то похожи. Вы оба достали меня.
"Что лыбишься, Крок?.. Я ее никогда не любил!
Я просто каштаны таскал для нее из огня."
За окнами - дрянь из пурги, тишины и тоски.
Сбежав на работу, ты сделала правильный ход.
А мне вот остались посуда, бардак и носки,
И нафиг не нужный пришедший вчера Новый год.

Тебя унесла в расстояния График-река,
Тебя суета утащила от сонных гардин.
А мы с крокодилом танцуем, как два дурака -
Качаемся в танго, жуя на ходу апельсин.
И все б ничего, да не ладится что-то в душе.
Наверное все же я что-то вчера не учел.
Ты дура, конечно, но если отбросить клише, -
Ты классная дура; с тобой я б в разведку - пошел...

Я выпью еще. Я часок подремлю у окна.
Потом дозвонюсь через вечность, хандру и пургу..
"Вчера мне приснилось, что ты мне совсем не нужна..
Сегодня я понял, что я без тебя не могу."

Выше, голуби!

Выше, голуби, выше, выше!
Сизым облаком - к облакам.
Пусть избитые ветром крыши
Улыбаются снизу нам.

Выше, голуби, выше, выше!
Так, чтоб вразхватило дух;
Чтобы гула с земли не слыша,
Стал ненужным привычный слух.

Между небом и листопадом,
Между солнцем и блеском луж,
Пронесемся мы вместе, рядом,-
Утешением усталых душ.

Между небом и листопадом,
По касательной к тишине,
Над уснувшим осенним садом,
Отраженным в моем окне.

Окунуться в разгул полета,
Таять бликом в стекле небес,
Там, где сумерек терракота
Накрывает притихший лес.

Окунуться в разгул полета,
Вздрогнуть молнией в облаках.
Предзакатная позолота -
Вспыхнет пламенем на крылах.

Идет бычок, качается...

Бедолага бычок, он по досточке шел и качался,
Мерно жвачку жевал, думал тяжкую думу свою.
Нет такого пути, что когда-нибудь, вдруг, не кончался,
Нет такого бычка, чтоб однажды не встал на краю.

Он искал смысла жизни и жаждал, быть может, падения.
А быть может, он взлета в падении этом искал.
А вокруг тишина рассыпалась, как чьи-то виденья,
И таила судьба свой жестокий звериный оскал.

На последнем шагу, замерев в ожидании чуда,
Взором матовым горестно всю свою жизнь пролистав,
Он шагнул в никуда, а быть может - ушел ниоткуда,
Став печальною притчей иль чьей-то надеждою став.

Ах не знал горемыка, с какою доской он связался!
Позабыл, что у всякой дороги, всегда два конца...
Плакал кто-то в хлеву... Кто-то злобно на кухне смеялся...
И звенели ножи. И в желудках стучали сердца.

Ты уйдешь

Ты уйдешь... Во сне мгновенье - вечность.
Серебро - как пепел в полумраке...
Меж бровей свои рисует знаки
Прошлых дней святая скоротечность

Ты уйдешь. Нет жертвы - нет пощады.
У печали алые ресницы...
В небесах полет бескрылой птицы.
Под балконом звуки серенады.

Ты уйдешь. Чернеют георгины.
Спит скрипач, навек забыв мажоры.
На окне - задернутые шторы.
На стене - забытые картины.

Ты уйдешь. Подхватит ветер слово.
Оплывет свечою ожидание.
Ни к чему бессильное молчание.
Ночь темна. Все новое - не ново.

Наплывает вечер медленный и синий,
Разгоняет ветер тени суеты,
На окне узором вычертился иней.
Умирают в вазе бледные цветы.

Тишина на флейте сумрачно играет.
Расцветает в сердце розою печаль.
Уходя, надежда тихо опускает
С золотистой шляпки черную вуаль.

Один мой друг сгорел весною в танке,
Другой мой друг был миною накрыт...
Мне повезло: я в черном катафалке
Лежу - нормально, снайпером, убит.

Один мой друг неотделим от стали,
Другой мой друг соединен с землей...
А мне сегодня почести отдали,
И кто-то нынче плакал надо мной.

Да, мне свезло - ни взрыва вдрызг, ни танка -
Я в новом оцинкованном гробу.
Целехонек. Совсем как индианка -
С красивым гордым пятнышком во лбу.

Ну ничего... Я первым делом - к Богу.
Скажу ему: братишка, выручай!
Смотри, меня осталось слишком много.
Бери ребро, иль что там... и - вай!

Сплин на двоих

Накуралесила, ети,
Навздыбила шальная выюга,
И мы опять зовем друг друга,
Друг друга растеряв в пути.
Не разорвать порочность круга,
Не выйти за предел мечты.
Я к северу иду, а ты -
А ты опять в плену у юга.
Дойдя до края, до черты,
Мы, в узел связанные туго, -
Над пропастью. Как два недуга.
Как две усталых маеты.
Мы убегали от испуга
Пред ясной сутью простоты,
И в шуме вечной суеты
Сыграв, затихла наша fuga.
И что теперь?.. Из немоты,
Звучащей колко и упруго,
Задумчивая безнадюга
Нам строит стены пустоты...
Из заколдованного круга
Не выбраться, как ни крути...
Накуролесила, ети,
Навздыбила шальная выюга.

Маргинальный романс

Ты была тихой, пугливою ланью,
Учителька пения в двенадцатой школе,
Наивная в жажде сердечной неволи,
Такая простая в своем полудетском желанье.
Мы говорили с тобой о прекрасном.
Ты вдохновлялась, а я напивался.
Где-то на Моцарте я обрыгался.
Где-то на Блоке ты отдалась мне страстно.
Глупая дамочка - носик в веснушках,
Ну неужель нам с тобой по дороге?!
Ты говорила мне утром о Боге,
Я глыкал рассол, подыхая на жарких подушках.
Потом провожал я тебя до трамвая -
Шаткой походкой, воняя отрыжкой,
Мучаясь жаждой, в ознобе сгорая,
Неся свою душу как градусник где-то подмышкой.
Твой поцелуй из дешевой помады...
Профиль в окне... Дробный топот вагона...
Да, я позвоню тебе в среду, из ада,
Если только найду в голове номерок твоего телефона...

Вот и все...

Вот и все... Я по первому снегу
Ухожу - не прощаясь, без слов;
Изменив бесконечному бегу,
Избегая неверных шагов.
Там, где сумрачно стынет дорога
В окружении томных берез,
Я увижу, наверное, Бога,
Я, быть может, заплачу без слез.
Вот и все... Три навязчивых слова
Безысходностью долбят в висок.
Кто-то сможет все выначать снова, -
Я, наверное, просто не смог.
Утро пьяное спит под забором,
Колокольный плывет перезвон.
Нынче станут мне ангельским хором
Два десятка озябших ворон.
Вот и все... Закусив коркой хлеба,
Никого ни за что не кляня,
Постучусь в предрассветное небо:
Здравствуй, Господи! Примешь меня?

Двое идут по вечности...

Двое идут по вечности,
По краешку, след в след,
От игрека - до бесконечности,
До разности "да" и "нет".
Двое идут по времени,
Вдоль частотола дней,
От легкости и - до бремени,
От света - к игре теней.
И, подчиняясь данности,
Привычно гася свет,
Прощают грехи за давностью
Ни в чем не повинных лет.
И, не впадая в крайности,
Обыденно, как обед:
"Ты любишь мои странности.
А я вот твои — нет".

ISQ блюз

Едва доживая до нового вечера,
Привычно сметая с пути препоны,
Они становились частицей вечного,
В единое соединив телефоны...
За недосказанностью многоточия
Скрывая свои наболевшие раны,
Она кокетливо намекала на "прочее",
На кофе в саду, на скамью и тюльпаны.
Он отвечал несерьезными смайлами,
Просил телефон, говорил о встрече,
И правда забыв, что с его данными
Об этом просто не может быть речи.
И, ежедневно встречаясь за столиком,
Здороваясь тихо, не зная друг друга,
Они расходились, неся в себе толику
Соединившего их порочного круга.
Им не дано стать частью трилогии...
Но каждым вечером, когда стихнут стоны,
В соседних палатах одной онкологии
Светятся, светятся их телефоны...

Баллада о N1035

Глядя уже отчаянно
На этот дождливый май,
Мечется неприкаянно
Путник из ада в рай.
Не веря еще, что помер он,
Все повторяет "Б***ь!"
И гладит ярлык с номером
Тысяча тридцать пять.
А в ад прибыла комиссия,
На райских вратах - замок.
А у него ремиссия,
А он уже весь промок.
В божеской канцелярии
Что-то пошло не так.
А у него ни динария
Денег - один пятак.
И, просидев до полночи,
Слушая как орет
"Дайте же жрать, сволочи!"
Несчастный его живот,
Плюнув на все горестно
И помянув мать,
Он совершенно бессовестно
Решится не помирать.....
Стынут дефибрилляторы,
Скальпели по местам,
Дрыхнут реаниматоры,
Приняв по двести грамм.
Где-то хирург ветренный
Сныкался с медсестрой,
Бомж из седьмой экстренной

Пьет в туалете "Трой".
Тянется коридорами
Клизмообразная тишь...
Только грызет за шторами
Чьи-то бахилы мышшь...
Нарушив ненужным гонором
Всю эту благодать,
Дернется труп под номером
Тысяча тридцать пять.
Замрет, с наслажденьем слушая
Как вьется над ним комар...
А по стене тушею -
Обкуранный санитар
Осядет, бледнея иссяня
И стекленея зрачком...
А в ад прибыла комиссия.
А рай нынче под замком.

Мы говорим с тобою не о том...

Мы говорим с тобою не о том.
Мы говорим о том, что невозможно.
И не понять, что истинно, что ложно,
И не понять, чего мы снова ждем.
Да, хуже нет, чем ждать и догонять,
Но разница порой неуволнима.
А что-то важное опять проходит мимо.
А что-то нужное нам снова не понять.
Мы растерялись где-то по пути,
Мы разменяли время на усталость.
Нас снова двое. Все, что нам осталось -
Не ошибиться выходом. Прости.
Я знаю все, что можешь ты спросить.
Ты знаешь все, что я могу ответить.
Ты видишь то, что можно б не заметить.
Я помню то, что можно бы забыть.
Как грустно знать, что нет у нас "потом",
Что во вчера уйдет и этот вечер,
Что так и не понадобились свечи...
Ах да... Прости... Я снова не о том.

Еще одна любовь

Не полусветом, - полутенью
Скользнув по краешку рассвета
И растворившись как виденье
В чередовании личин,
Она ушла мгновеньем лета
Невидима как вдохновенье,
Непонята и недопета,
Без объяснения причин.

Не полу-фразой, - полусловом
Застыв в молчанье многоточья,
На вдохе, тягостном как вечность,
Как обещание не забыть,
Она явилась чем-то новым -
Секундой между днем и ночью,
Благословляя быстротечность
Того, что не могло не быть.

И все бы тут, да только сердце,
Не принимая предрешенность
И отрицая расстояние,
Стучало быстро и не в такт.
И, придавая завершенность
Стихам слепого иноверца,
Она вписала в слов бездонность:
"Все было, было, но - не так..."

На цыпочках

На цыпочках, медленно-тихо,
Как осторожная мышь,
В душу прокралось Лихо,
И пофигу ему "Къш!"
Презревши мою конституцию,
Устой мои поправ,
Устроило революцию,
Лишило меня прав
На самоопределение,
На однозначное "нет",
На утро без настроения,
На праздники без конфет.
Понижен порог критичности,
У мозжечка - антракт.
И раздвоение личности -
Почти свершившийся факт...
А в очередь за орхидеями
Такие же зомби как я,
В погоне за сверхидеями
Утратившие себя.
Толкаясь в вонючем автобусе,
Сжимая в зубах цветы,
Прокладываю на глобусе
Маршрут к твоему "Ты?!"
И, следуя на заклятие,
Влача за собой грехи,
Твержу я, как заклинание,
Увы не мои стихи.
Я втюхан до неизбежности,
Я выпит тобой до дна,
Я в полумраке нежности

Распался на времена.
Куда-то ушло прошлое,
В руинах плюсквамперфект,
И только причастие пошлое
Еще натворит бед...
Встаю я на путь аггела,
И, видя какой я лох,
В кулак чертыхаются ангелы,
И улыбается Бог.
На цыпочках, медленно-тихо,
Как осторожная мышь,
В душу прокралось Лихо...
А ты не слышишь. Ты спишь.

Никогда я твоим не буду...

Никогда я твоим не буду,
Никогда я твоим не стану.
Я устал приходить ниоткуда,
Скоро я уходить устану.

Ах ты рыжее, рыжее чудо,
Не зови ты меня в туманы.
Никогда я твоим не буду,
Никогда я твоим не стану.

Ты меня не люби, не надо.
Мне давно и навек отлюбилось.
Майской ночью, под шорохи сада
Сердце с неба звездой скатилось.

Ты забудь обо мне, вечно пьяном.
Я-то знаю, моя золотая:
Из руки недопитым стаканом
Скоро выпадет жизнь хмельная.

Рондо

Спи, ангел мой, почи в лазури сновидений.
Забудь свои года и не считай мгновений,
Что падают во тьму слезами палача.
Как поминальная горит в углу свеча...
Спи... Нет ни дней, ни лет, ни правды, ни сомнений.

Остались лишь: любовь — царица преступлений;
Мечта, подаренная с царского плеча;
Надежда — глупая ужимка циркача;
И память как оскал нелепых наваждений.

Горит в огне душа, безумно хохоча;
И падает звезда в колючий шорох терний...
Угаснет жизнь в глазах несозданный творений,
И мраморная пыль, как нежная парча,
Покроет лики их... Навеки... Спи, мой гений,
Спи, ангел мой, почи в лазури сновидений.

Я люблю, но немного странно...

1

Я люблю, но немного странно.
Так любить — уж давно не в моде.
Для меня ты — богини вроде,
Для меня ты — святая тайна.

Может, это смешно — не знаю...
Я готов на тебя молиться.
Сердце бьется, как в стену птица,
Без тебя я свечой сгораю.

Нужно слово сказать — немею,
Нужно за руку взять — теряюсь.
Пред богиней моей склоняюсь
И в глаза посмотреть не смею.

2

Я люблю, но немного странно...
Нет, любовь — это только миф.
Я — безжалостный дикий скиф,
Налетающий из тумана.

Посмотри: взгляд как нож остер
В глубине этих глаз раскосых.
Как рабыню схватить за косы
И в походный увлечь шатер.

Бушевать, опалить огнем.
И на воинском жестком ложе

Ароматом девичьей кожи
Опьянеть как хмельным вином.

3

Я люблю, но немного странно -
Будто дочку, с отцовской нежностью.
Этих глаз напускной небрежностью
Я люблюсь немного пьяно...

Уложить в белизну постели,
Золотыми окутать сказками,
Усыпить, убаюкать ласками
Под чарующий звон метели.

И лелеять твой сон хрустальный,
Словно фею стеречь уснувшую,
Забывая тоску минувшую
И желаний венец опальный.

.....

Я люблю, но немного странно...

По-весеннему хмельное

Февраль прикинулся Весной.
Повисло солнце над горой
И нежит, нежит как в маю...
Бреду куда-то и пою,
Дышу.

Дышу нестройно и легко,
Пою свободно, глубоко...
Иль нет, совсем наоборот -
Пою, дышу... Солнцеворот
Звенит.

Немного пьян, слегка влюблен.
Зеркально светел небосклон.
В нем вверх ногами отражен,
Гряду куда-то — опеснен
И чист.

Афродита

В те минуты, когда предрассветная мгла над землею разлита
И, как девичьи щеки, зарей розовеет восток,
Из морской белопенной волны родилась Афродита
И в святой наготе, улыбаясь, вошла на песок.

И склонили колени пред нею все боги и песни слагали,
Охмелев от предчувствия новых, неведомых, чувств.
С неба падали звезды, цветы головами качали,
Загорались над миром столетья великих безумств...

И с тех пор она царствует в нашем, метущемся бешено, мире.
Мы живем для нее, за нее принимаем мы смерть;
И из битв выходя, к звонкострунной склоняемся лире,
Чтобы древнюю песню ей снова и снова пропеть.

И, усталые боги, мы склоняем пред нею колени
И слагаем ей оды и жаждем творенья безумств.
С неба падают звезды, вздыхают вечерние тени,
Мы хмелеем предчувствием новых, неведомых, чувств.

И в минуты, когда предрассветная мгла над землею разлита
И, как девичьи щеки, зарей розовеет восток,
Из морской белопенной волны восстает Афродита
И в святой наготе, улыбаясь, идет на песок...

Любовь — она вольна, как дама полусвета

Любовь — она вольна, как дама полусвета,
Любовь — она робка, как взгляд из-под ресниц,
Любовь — она странна, как снег в разгаре лета,
Любовь — она темна, как таинство обета,
Любовь — она ярка, как сполохи зарниц...

Когда вздыхает ночь и сполохи зарниц
Сверкают где-то там, за гранью полусвета,
Опять твержу слова извечного обета,
Дыханием своим тревожа мглу ресниц...
Любовь — она странна, как снег в разгаре лета.

Когда придет рассвет дурманящего лета,
И в небе догорит пожарище зарниц,
Слетит ажурный сон с трепещущих ресниц.
И, заглянув в глаза под маской полусвета,
Скажу: любовь темна, как таинство обета.

И, приняв поцелуй как таинство обета
(О этот нежный вкус сиреневого лета!),
И видя, что опять за дымкой полусвета
В глазах твоих мелькнут лишь отблески зарниц,
Шепну: любовь робка, как взгляд из-под ресниц.

Но вздрогнет на глазах вуаль густых ресниц,
И сменятся слова нежнейшего обета
Сверкающим огнем неистовых зарниц,
И в бездну полетит смеющееся лето...
О да! Любовь вольна, как дама полусвета.

Далекое

Вьюга звенела во тьме так напевно, хрустально и ласково,
Падали руки, белея во мгле как усталые лебеди,
Губы дрожали, так нежно и робко и жадно целованы,
Таяли ночи, метелью январской хмельно очарованы...

Милая, милая, как я любил тебя нежную, странную!
Только зима нас с тобой развела — навсегда разметелила.
Выпала мне, нагадалась, за вьюгу дороженька дальняя,
А по тебе зарыдала, истаяв, свеча поминальная.

Этюд утопленника

В одуванчиках, диадемою обрамляющих бледный лоб,
Убаюканный, зацелованный предрассветною тишиной,
Созерцаю пятнисто-облачный бледно-синий небесный стяг,
К предрешенности отрешенности сделав самый последний шаг.

А текущая тихо-медленно, как расплавленное серебро,
Из тумана неуловимого, заволокшего сонный мир,
Белопенная, звонкоструйная, одурманенная река
Напевает мне что-то ласково и уносит за облака.

Рондель

Инфанта грез, принцесса мотыльков
Вдыхает сны на лепестках камелий.
Струятся в ночь истомчивые трели
Бессонницей томимых соловьев.

По нотам одурманенных цветов
Весна ноктюрн слагает на свирели.
Вдыхает сны на лепестках камелий
Инфанта грез, принцесса мотыльков.

Ей дела нет до судеб и миров,
Ей звезды колыбельную пропели.
Свободная, под покрывалом снов,
Она спокойно спит в своей постели -
Инфанта грез, принцесса мотыльков.

Ловец теней

Ловец теней, седой могильщик снов,
О чем ты грезишь, созерцая свечи?..
Зовешь мечты? Иль вспоминаешь встречи
Печалью замутненных вечеров?

Ах не разбить наложенных оков
И не расправить старческие плечи!
О чем ты грезишь, созерцая свечи,
Ловец теней, седой могильщик снов?

Кто явится на твой тоскливый зов
Усталого, забытого предтечи?
Смотри, смотри на гаснущие свечи,
Роняя с губ венки последних строф,
Ловец теней, седой могильщик снов.

Лебедь

Мне подрезали крылья. Хотел полететь — да невмочь.
Оперение мое от засохшей крови побурело.
Я затих в камышах. Опускалась дождливая ночь,
А в саду кто-то пел, и печальная лютня звенела.

Ах жестокие руки! Я их о пощаде молил,
Я вытягивал шею и плакал — не слышали плача.
И безжалостный нож от свободы меня отрешил,
Я не знаю, зачем... Может быть, невозможно иначе.

И, сложив пополам зачерненную плотную бязь,
Завязали глаза, чтоб не видел зовущего неба...
Кавалеры шутили, а юные дамы, смеясь,
Мне бросали кусочки духами пропахшего хлеба.

А глумливая чернь потешалась моей слепотой,
И швыряли мальчишки так бьющие больно камня.
Говорили братья мои, что теперь я — ручной,
Предназначено мне для фонтана служить украшением.

С неба падали шорохи вольных, расправленных крыл -
Пролетала куда-то моя лебединая стая...
Я рванул за ней, я о режущей боли забыл...
Но держала вода. Она тоже, наверно, ручная...

Мне подрезали крылья. Хотел полететь — да невмочь.
Оперение мое от засохшей крови побурело.
Я затих в камышах. Опускалась дождливая ночь.
А в саду кто-то пел, и печальная лютня звенела.

Январь наточил ножи

Январь наточил ножи.
По улице метель бежит.
Небо с землей срослось,
А мы с тобой — врозь.

Январь обнимает ночь,
А я — от тебя прочь.
Ветер поет навзрыд.
След заметен, скрыт...

Вьюга

Вьюга... Вьюга... Иль вечность просыпалась снегом...
Или время прервало свою бесконечную прыть...
Иль хмельная тоска пронеслась по душе печенегом
И осталась во мне, чтоб коня из души напоить...

Под горящим торшером просыпалась мастью колода,
Отражается в матовом зеркале трюфовый туз.
И нелепые мысли, толпою безумного сброда,
Наблюдают как чахнет воздетый на крест Иисус.

Ах похмельная замуть! Нависли усталые веки.
Оброненное сердце застыло в пролитом вине.
Накликают мне смертушку скрюченные человеки
И трубящий архангел давно уж взывает ко мне.

Неприкаянный ветер уносится в небо молитвой,
И простуженный вечер стучится в слепое окно...
Кто-то бросился в ночь, распаленный кипящею битвой.
И сдержать бы коней, да сдержать их уже не дано...

Приоткрытая дверь запускает проснеженный холод.
Но никто не войдет, и напрасно открыта она.
Я и сам уж не помню, когда-нибудь был ли я молод,
И была ли когда в этом мире безумном весна.

Нерасцветшая жизнь умирает на плахе печали.
Налетели года — мою память терзать вороньем.
Я дорогою шел, уводящей за синие дали,
Только путь в синеву оказался нелепым враньем.

А теперь эта вьюга! Иль вечность просыпалась снегом?..

Или время прервало свою бесконечную прыть?..
Иль хмельная тоска пронеслась по душе печенегом
И осталась во мне, чтоб коня из души напоить?..

Я не знаю, не знаю. Но это до одури больно -
Словно кто-то об сердце затачивать пробует нож...
И я вижу: старуха-судьба, улыбаясь довольно,
Продает меня, пьяного, смерти, за ломаный грош.

Дитя и демон

...

Демон

...И вот золой с небес опала позолота,
И в тишину рвалась не сыгранная нога.
Я губы целовал, шептавшие «Скорей!»
И сердце распялял над пламенем свечей,
Горевших в полутьме осатаневшей ночи,
И слушал как во мне безудержно хохочет
Глумящийся паяц и бьется в стену лбом,
Чтоб отогнать мечту, навеянную сном.
И бледная луна вставала в горле комом;
И в блеске этих глаз, доселе незнакомом,
Гримасничала страсть, танцуя на углях
Сгоревшей чистоты. И падала во прах
Роса с поникших роз заветренного сада,
И мир сгорал в огне воссозданного ада,
И проклятый покров истерзанных ночей
Как саван шелестел над головой моей.
И черная звезда в душе моей светила,
И леденел огонь.

Дитя

Но где все это было?

Демон

Не помню... В той стране, где нет твоих следов.
Быть может, у самих стигийских берегов,
Где немощный Харон, зажав мою монету

Своим беззубым ртом, указывал на Лету.
И по губам моим текла ее вода...
Да, верно, это там и было...

Дитя

Но когда?

Демон

Давно. Увы, давно. И все теперь забыто.
Как птица влет была мечта моя убита...
И жаль, что эта казнь совершена не мной.

Дитя

Ты шутишь, Демон?

Демон

Нет, клянусь твоей душой...
Чтоб сердце не рассечь клинком холодной боли
Ненужного шута, уставшего от роли,
Уж лучше самому убить в себе мечту,
Познав — в который раз! - надежду и тщету
Несбыточных надежд. И выпить яд завбвенья,
Надеясь, может быть, на пепел вдохновенья,
Сгоревшего в костре янтарной тишины,
Где даже вздохи звезд порою не слышны.
Уйти, закрыв глаза цветами белых лилий,
Рассыпанных во тьме, где сотни солнц остыли,
С рыдающих небес упав в седую тьму;
Где ангелы поют неведомо кому,
Не зная, что давно их голоса пропали, -

Лишь колокольный звон уносится за дали
Бесчисленных миров, обрушенных на дно
Беснующихся бездн... И горько, и смешно!..
Уйти, чтоб никогда поток кипящей лавы
Не выплеснул в лицо останки горькой славы
Полузабытых дней и омертвевших лет;
Чтоб глаз не ослепил давно угасший свет
У алтаря страстей, там, в одиноком храме,
Где только камни стен беседуют с богами.
Уйти!.. Но как? Куда? Везде все тот же мир
С улыбкою шута, как пляшущий Сатир,
Смеется над душой — доверчивой Наядой -
Своим рогатым лбом стучась в ворота ада.
Везде все та же тьма косит кровавый глаз
На пасынков своих, что жаждут хоть на час
От мачехи уйти в неведомые страны,
Где любящая мать слезой залечит раны
И уведет детей потерянных своих
Туда, где вечный свет сердца согреет их.

Дитя

Ах как ты говоришь! Твои слова как розы
Вонзают в сердце боль; и сладостные грёзы
Душе дарует их пьянящий аромат.
Какой чудесный сон!

Демон

СчастлИвы те, что спят
И могут видеть сны без страха пробуждения
Наедине с собой; без страха единения
С изорванной тоской отринутой души,
Что, может быть, теперь в последний раз грешит,

Сжигая на огне неузнанные тени
Непонятых сердец и тайных вдохновений,
Прошедших через мир, надеясь и скорбя...

Дитя

О чем ты говоришь? Я не пойму тебя.

Демон

О не жалея, не все достойно понимания.
Душа всегда живет на грани ожидания
Невысказанных слов, но тайну сохранит
Седеющий творец немых могильных плит,
Которым благовест отзванивают грозы.
Он тихие слова вплетает словно розы
Меж белых хризантем; и траурный венок,
Роняя лепестки, у чьих-то ляжет ног.
И упадет звезда в бездонность океана.
И погребальный марш не избежит дурмана
Мелодии души, пролившейся во прах.
Но вечная печаль не оживет в стихах,
Оборванных, как жизнь, едва в начале слова.
И не обронят слез ни призраки былого,
Ни ветер, ни любовь у входа в мрачный склеп,
Где вечность тишины. И лишь седой Эреб
Молчанием своим озвучит ту обитель,
Где будет спать надежд слуга и повелитель.
И отблески зари вонзятся словно нож
В покой небытия...

Дитя

Не верю! Ты мне лжешь.

Когда я был дитя, мне мама говорила...

.....

Она была как завершенье...

Она была как завершенье
Пути, прочерченного в ночь.
Как чей-то крик, как преступление,
Как боль, которая невмочь.
Она была как расстояние,
Ужатое в один нейтрон,
Как тяжкий грех без покаяния,
Как замерший в стволе патрон.
Она не ведала сомнений
И не умела сожалеть;
Она бросала в ворох терний
Звезду, желавшую гореть.
Она была судья надежде,
Она была палач мечте,
Сводила многозначность "прежде"
К своей нелепой немоте.
В извечном страхе продолженья,
В боязни нежеланных тем
Она была - одно мгновенье,
Она была почти ничем.
Она была всего лишь точка
В конце прощального письма -
Там, где надломленная строчка,
Не выдержав, сошла с ума.

Главному герою

Она торопилась куда-то,
Разваливала мосты...
Нервно прикурив от заката,
Ушла навсегда... А ты?..
Ты, правда, не верил,
Что сможешь ее удержать?
Хотя б на пороге, у двери,
На десять минут, на пять?!
Ведь правда, ты мог свалить все
На близкую ночь, на грозу;
Ты мог побежать и догнать ее
Там, внизу,
Зонтом прикрывая гордость
Стирающую плевком.
Но ты легко отвечал на подлость,
А на любовь — не смог.

И что это, право, за игры,
Ну что за блажь!
Хватать пистолет из сейфа -
Не твой типаж.
И ты не похож на пирата,
Чтоб молча хлебать ром;
Возможно, ты был им когда-то,
Но — не нутром.
И зря ты маялся, глядя пусто,
Ствол уперев в висок.
Да, ты всегда легко нажимал на чувства,
А вот на спуск — не смог.

Друзья уходят

Друзья уходят. Вместо них
Приходят странные чужие:
Глаза их — комнаты пустые,
Слова — нелепый треск шутих.

Друзья уходят. Вместо них
Приходят сны — тревожить память.
А февраля седая замуть
Еще один стирает штрих.

Друзья уходят. Вместо них,
В душе пустоты заполняя, -
Тоска, холодная и злая,
Соображает на троих.

Друзья уходят. Вместо них -
Ненужных слов пустые звуки...
И грусти пасмурные руки
Узлом завязывают стих.

В тишину роняют звуки...

В тишину роняют звуки
С полусонного смычка
Непроснувшиеся руки
Площадного скрипача.
Ну и что, что этой ночи
Дела нет ни до кого.
Он играет, между прочим,
Звуки сердца своего.
Он играет для аллеи,
Для луны и фонаря;
И в душе его, алея,
Просыпается заря.
И когда седое утро
Постучит к нему в окно,
Он уйдет в него, как будто
Камнем падая на дно.

Город. Любовь. Скука.

Город. Любовь. Скука.
День. Переулок. Дом.
Слово. Глаза. Мука.
Нынче. Вчера. Потом.

Вздох. Полумрак. Вечер.
Угол. Торшер. Постель.
Окна. Стена. Ветер.
Ночь. Мандарины. Ель.

Снова. Опять. Снова.
Ночь. Сигареты. Ложь.
Стрелки на полвторого.
Снег. Тишина. Дрожь.

Город. Любовь. Скука.
Эхо. Луна. Бред.
Выстрел. И нет звука...
Выход. Туннель. Свет.

Погас огонь свечи, неведомо кому
Зажженный на полу в пустынно-гулком храме,
Где ангелы глядят незрячими глазами,
Молитвы вознося безумству моему.

Разбив оковы дня, я падаю во тьму
Под бой колоколов над вставшими часами.
Исусовых перстов дрожащими губами
Коснусь ли, хоть на миг не изменив Ему?

От боли застонав, паду на пепелище,
Сожгу углями грудь я, венценосный нищий,
Я, судьбы трех миров бросающий во прах...

Иль это только сон, неузнанный в тумане,
А я — всего лишь шут в дешевом балагане,
В улыбке бледных губ скрывающий свой страх?..

Прозревшее дитя

Неведению слепому вышел срок.
На белом ватмане, внимая вдохновению,
Дитя рисует черной акварелью
Дожди и паруса... И комкает листок.

Прохладной успокоенный постелью,
Он по слогам читает между строк,
Ложась на белый потолок,
И верит музыке, навеванной метелью.

И в снах, набросанных легчайшею пастелью,
Он видит угасающий восток
И пепел звезд, упавших в пыль дорог.

И душ, когда-то преданных забвению,
Он слышит неземные голоса...
А под дождем чернеют паруса.

Черно-белое

Где-то, в далеком прошлом, а может быть - никогда,
В чужом непонятном небе мне высветилась звезда.
Мы встретились с Ней случайно в цепи неслучайных встреч -
В цепочке татуировок на черноте ее плеч.

Она была черной, дикой, зовущей - дрожью в руках.
Мы медленно пили мадеру, болтали о пустяках.
Она улыбалась бЕло, смешно подбирала слова;
Лениво светило солнце, и время ползло едва.

Потом опустился вечер на бухту Атан-ГурУ.
Мы плавали в океане, смывая с себя жару.
И не было больше в мире ни лет, ни людей, ни стран,
Ни жизни - мелкой монетой брошенной в океан.

И на глухом побережье, под музыку из огня
Черная дерзкая женщина целовала меня.
Мы были как свет и сумрак, как шахматная доска.
Звездой сгорала в сердце неведомая тоска.

Я помню (иль мне приснилось?), я помню (а мне б забыть!),
Я помню, как вдруг прервалась существования нить...
Где-то, у кромки берега, под тихий шорох волны,
Странная черная женщина нашептывала мне сны.

Судьба

Спотыкаясь, судьба по дороге брела и вздыхала
И ворчала под нос, недовольна своею судьбой:
Надоело мне все, не хочу быть судьбою, устала!
Почему бы не плюнуть и не возвратиться домой...

Я хочу тишины, и горячих блинов, и покоя.
Почему я должна волочиться за кем-то там вслед.
Я хочу, чтобы были веранда, закат над рекою,
Соловей, и вязание, и кресло-качалка, и плед.

- Отпусти ты меня! - умоляла она. - Не твоя я.
Ну какой тебе прок вот в такой безнадежной судьбе.
Я ведь знаю, родимый: я вздорная, глупая, злая.
Ну подумай, подумай, на кой я такая тебе!

Пожалел человек бесталанную эту судьбину.
Усмехнулся печально, махнул ей прощально рукой,
Потрепал по плечу, и небрежно толкнул ее в спину,
Говоря: ты свободна. Ищи свой закат над рекой.

Так и стала судьба жить, не будучи чьей-то судьбою.
Распивала чай на веранде и вкусные ела блины,
Любовалась закатом над медленной сонной рекою,
И смотрела в качалке свои одинокие сны.

Только вот почему-то никак не случилось покоя -
Все мерещились посох, дорожная пыль и луна...
И однажды, смотря на любимый закат над рекою,
Поняла она вдруг, что навеки осталась одна.

Вечер завьюженный, заветерь снежная,
Тени на белой стене,
Шепот истомчивый, музыка нежная -
Полумечта в полусне.

Руки тревожные, очи печальные,
Хрупкость опущенных плеч...
Речи напрасные, мысли опальные -
Ложь заметеленных встреч.

Что ж, моя милая, что ж, осиянная,
Видимо, так суждено...
Тайна без тайны, любовь наша странная
Птицею бьется в окно...

Рождение души

Когда мое сердце рождалось из пепла сгоревших галактик
И рыкали львы, проходя по просторам вселенских миров,
И старый орел прилетал, чтобы печень клевать Прометея, -
Я помню: на небе плескалась заря, жарко кровью алая;
Я помню: так призрачно тлел аромат первобытных цветов...

И был я один. На меня проливалась тоска Водолея.
Корил я богов, их молил я ненужную жизнь оборвать.
Но глух был Зевес или слеп и вотще пропадали моления,
Вотще я стремил к небесам укоризны, мольбы, песнопения -
Не слушали боги меня, на уста налагали печать...

И помню: был вечер; вне жизни и смерти летели мгновенья,
Сполохи металась по небу, и молния тучи рвала.
Хоралом звучала гроза и вихрились ветра, завывая;
Взбешенное море ревело, на берег валы посылая;
Ложилась на землю ночи бесноватая мгла.

И помню: восстала из пены морской Афродита нагая.
Вдруг замерло все. И прекрасная дева взошла на песок.
И с неба посыпались звезды, на сердце моем догорая,
И, женщине первой несмелые гимны впервые слагая,
Я пал на колени, губами касаясь божественных ног...

Я помню: сверкали сполохи, за краем земли угасая;
Я в синие очи смотрел, незнакомым волненьем дыша.
Так тихо плескалась на небе заря, жарко кровью алая,
Так тихо качались цветы, ароматами новыми тлея;
И нежно болью в груди у меня нарождалась душа.

Пурпурное на голубом

Пурпурное на голубом -
Заря рассветная на небе!
Забывши о насущном хлебе,
Любуюсь чудом за окном:
Пурпурное на голубом.

Орет истошно под окном
С утра напившийся мужчинка.
И что ему сия картинка!
Он весел, пьян и - в стену лбом -
Орет истошно под окном.

Лукавый веет ветерок.
Взлетают голуби над крышей.
Горячий кофе... Тише, тише
Звучат шаги спешащих ног.
Лукавый веет ветерок.

Мурмуристо мурлычет кот,
Воротником облегли шею.
Смотрю, дышу, тихонько млею
И слушаю как мне поет,
Мурмуристо мурлыча, кот.

Еще томим ажурным сном,
Забывши о насущном хлебе,
Любуюсь чудом за окном:
Заря рассветная на небе -
Пурпурное на голубом.

Вечер ля-минор

Наплывает вечер медленный и синий,
Разгоняет ветер тени суеты.
На окне узором вычертился иней,
Увядают в вазе бледные цветы.

Тишина на флейте сумрачно играет,
Расцветает в сердце розою печаль.
Уходя, надежда тихо опускает
с золотистой шляпки черную вуаль.

Однажды проснувшись

Однажды проснувшись, понять,
Что время утратило силу,
Что время вдруг кинулось вспять,
Что время застыло
В стакане холодного чая, в часах, в рамке на белой стене,
Во мне.

Однажды проснувшись, понять,
Что времени, в общем-то, мало -
Минутно-секундная рать
Сражение свое проиграла
За будущее и прошлое, за осколки дня,
За меня.

И с искренностью творца,
Начавшего все сначала,
Не воротя лица,
Браться за что попало:
За правду, за ложь, за каждый ничтожный повод,
За оголенный провод.

И по простоте души,
В уподоблении богу,
Духом лететь в тиши,
Творя свой мир понемногу -
Из песен, любви, надежд и новых сомнений,
Из звезд и терний.

Город

Когда беременное полнолунием небо
тяжело наклоняется над Городом
и своим дыханием
гоняет по пустынным улицам
обрывки газет,
стаканчики из картона,
и прочий хлам,
когда оно презрительно плюет на Город
сыростью и туманом
и хмурит брови, такие же черные и густые,
как дым заводских труб, -
тогда Город становится совсем беззащитным.
Он чувствует себя маленьким и неудобным.
И мне становится его жаль...
Мне хочется приятельски хлопнуть его по плечу
и сказать ему что-нибудь дружеское,
даже ласковое.
Я жалею его и выхожу на улицу,
хотя знаю, что утром,
когда небо высосет до конца
коктейль из дождя и ночи
и, окосев,
будет смотреть ласково и тепло,
тогда Город снова
почувствует себя хозяином положения.
Он будет презрительно смотреть на меня
миллионами окон,
он будет плевать мне в лицо
бензиновой гарью,
пылью,
и прочей гадостью;

он будет рычать на меня
моторами автомобилей...
И все же сейчас я выхожу на улицу,
чтобы немного его ободрить.

"Нас двое в комнате: собака моя и я"
И.С. Тургенев

Что, дружище, ты смотришь угрюмо
И глаза твои пасмурно жутки?
Ну, какие печальные думы
Овладели сегодня тобою?
Ты давно таким не был. Наверно,
Осень шутит дурацкие шутки
И с твоею собачьей душою...
Не скули, ведь и мне тоже тошно.
Я бы волком завыл, да соседи
Не поймут и неверно расценят...
А быть может, ты вспомнил про Леди,
Что вчера с молодой хозяйкой
Повстречалась нам в сумраке сквера?
Но что общего может быть, милый,
У тебя с легкомысленной лайкой?
Не хандри. Ну, иди, я поглажу.
Разве плохо вдвоем нам с тобою?
Подожди, вот протянем полгода
И куда-нибудь двинем весною
От тоски и кокетливой Леди
На манящее лоно природы...
А сейчас под безжалостным градом
За окном замерзают березы.
Не скули, дорогой мой, не надо.
Мне бы тоже завывать и лить слезы
Оттого, что все злее и злее
Ветер серую замутью крутит;
Оттого, что с душою моею
Осень шутки дурацкие шутит.

Вечер завьюженный, заветерь снежная,
Тени на белой стене,
Шепот истомчивый, музыка нежная -
Полумечта в полусне.

Руки тревожные, очи печальные,
Хрупкость опущенных плеч...
Речи напрасные, мысли опальные -
Ложь заметеленных встреч.

Что ж моя милая, что ж, осиянная,
Видимо, так суждено...
Тайна без тайны, любовь наша странная
Птицею бьется в окно.

Адажио пиано

"Начинается плач гитары..."

Ф.Г. Лорка

Ты сыграешь адажио пиано
В полумраке, окутавшем дом;
И на сердце, заплакавшем пьяно,
Грусть уляжется черным котом.

В переулках прошедшего года,
В запустелом холодном вчера
Не найдя заметенного брода,-
Я останусь в зиме до утра.

То взлетая в белесое небо,
То срываясь в крутое пике,
Будет рваться душа - на потребу
Пробежавшей по струнам руке...

Пальцы сникнут, стомленные бегом,
И последняя, долгая "ля",
Оборвавшись, просыпется снегом
Уходящего прочь февраля.

Ода женской рифме

Женская моя рифма,
Нежная до истомы,
Все твои биоритмы,
Кажется, мне знакомы.

Все твои перепады
Мысли и настроения,
Каждый оттенок взгляда,
Каждая тень движения.

Всюду идя за мною,
Часто - напрополую,
Грела своей душою
Рифму мою мужскую.

В строфы слагались годы.
В "грёзы" вплетались "грозы"...
Всё не случались оды -
Чаще писалась проза...

Вот ты пригрелась рядом.
Спит на ресницах вечер.
Прошлое - снегопадом
В поле уносит ветер.

Дай, поцелую, что ли,
Эти глаза родные.
Жизни моей ты доля,
Чувства мои живые.

И не найдя управы

На трепыханья сердца:
- Господи Боже правый,
Чем заслужил я это?

И в перебое ритма,
Тревожа дыханием веки:
- Ты моя женская рифма.
Единственная. Навеки.

Город пахнет весной

Мой город опять живой -
Он переболел зимой,
Он больше не пахнет снегами
И ледяными снами.

Мой город пахнет весной,
Мой город пахнет зарей,
Церковными колоколами,
Надеждами и мечтами.

Он пахнет словом "любовь",
И россыпями стихов.
Твоими хмельными духами,
И будущими дождями.

Он пахнет розой ветров,
Извилинами ручьев;
Еще он пахнет блинами
И мартовскими котами.

И день за днем, движение за движением,
За словом слово, за мгновением миг,
Из ничего произрастает нечто
И снова превращается в ничто.

Так есть ли смысл давать тому начало,
Что волею твоей или безвоьем
Но в должный час своей лишится сути
И прахом станет, изойдя на нет?

Не потому ль неправда нам дороже,
Не потому ль обманом тешим душу,
Что краткое изменчивое нечто
Милее нам, чем вечное ничто?

Уверовав в бессмертие души...

Уверовав в бессмертие души,
ступить в прохладу старенькой церквушки,
где благостно-смирненные старушки
о чем-то молят Господа в тиши.

И там, в себе, в нехоженной глуши,
дойти до позаброшенной избушки,
где тихий мальчик, позабыв игрушки,
извечных истин угли ворошит.

Крестясь несмело, встать под образами -
глаза в глаза; о времени забыть
и чувствовать, как неразрывна нить
протянутая жизнью между нами.

Не обмануть ни делом, ни словами.
И всех грехов уже не искупить.
Горьки губам разваренная сыть
и кровь Его вприпивку со слезами.

А уходя и оглянувшись вдруг,
"Храни тя Бог!" услышать и в волнении
почувствовать, как ранит раздвоением
колоколов в лазурь летящий звук.

Осмелиться и заступить за круг,
очерченный удушливым сомнением.
Бессмертие души, с благословением,
как боль принять из почернелых рук.

Мне июнь подарил хризантему

Мне июнь подарил хризантему
Из букета полночного неба.
С ним, наверное, что-то случилось -
Он давно так внимателен не был.

Мне июнь подарил хризантему.
Я назвал ее нежно так - Эльза
И поставил в китайскую вазу,
А июнь был доволен донельзя.

Мне июнь подарил хризантему -
Поделится со мной звездопадом
В час, когда наклоняется полночь
Над притихшим задумчиво садом.

Пусть сгущаются краски ненастья -
Улыбаюсь я хмурому небу,
Потому что сегодня на счастье
Мне июнь подарил хризантему.

Небо нынче пьяное немного

Небо нынче пьяное немного
От дождя, пролившегося где-то.
Улыбаясь сине и довольно,
Хлопает глазами цвета лета.

Небо нынче пьяное немного.
Подзывает облако из дали,
Чтобы ветра ветреные пальцы
Белый бок лохматый почесали.

Небо нынче пьяное немного.
Смотрит, как, мурлыча хрипловато,
Солнце - рыжий маленький котенок
Дремлет на коленях у заката.

Реквием

Ах козлик юный! серый, заводной!
Он жил у бабушки. Он был ее звездой.
Утехой долгих дней в извечной круговерти
Забот, присущих тем, кто причастился смерти
И жизнь свою влачит под тяжкий скрип колес,
Как груз былых грехов, возложенных на воз
Несбывшихся надежд, молитв и покаяний,
Чтоб сжечь их на костре бесплодных ожиданий.
И вот вам сЕрдца два, стучащие в глуши
Забытых хуторов. И вот вам - две души...
Да, вот вам две души, а между ними где-то,
Как тоненькая нить из солнечного света,
Протянута любовь. Бессильны времена
Над таинством ее. И только смерть одна
Готова совершить слепое преступленье.
Подписан приговор. И нет уже спасенья.
И начат путь его, и зажжена свеча,
И рок, достав топор, готов рубить с плеча...
Козленок! Что же ты? Зачем ты так беспечен?!
Твой путь к лесной тропе в глазах волков отсвечен...
И в шорохе листвы не слышно мягких лап.
А ангел, что тебя всегда хранил, - ослаб.
Он в сонной тишине ночного сеновала
Перебирает сны, как четки из коралла...
Прощайте навсегда: капуста, огород,
Колодец, сеновал, околица и кот!
Ах глупый! Что же ты преодолел желанье
Нещадно избодать порыв непослушанья?!
В наивности своей покинул отчий дом;
И вот - уж никогда тебе не стать козлом...
Не к славе привела тебя тропа лесная.

Ликует волчий вой, и тишина ночная
Опустит на лицо из облаков вуаль,
И тихим ветерком прошепчет небо: "Жаль..."
И там, где у ручья тропинка повернула,
Там жизнь оборвалась. Душа его сверкнула
Звездой, упавшей в ночь с задумчивых небес;
Его последний вздох навек сокроет лес...
Где папоротник спит под хмурою луною,
Где стелется туман невзрачной пеленою,
Где слышен шепоток кокетливых раки, -
Там звуком тишины стал стук его копыт.
И у корней ольхи - лишь пара острых рожек -
Приют для муравьев и храм сороконожек.

Весна - мажором

Весна - мажором
По жилам-венам;
Вороньим хором
Под пенным небом.
Я, в пику стужам
Сойдя с распятья,
Бегу по лужам,
В ее объятья.
Рева оленем,
Ворон пугая, -
Хлоп! на колени:
- Здравствуй, родная!

Полчаса до...

Мы в летней кафешке сидели
За кофе, вполне растворимым.
Ты что-то болтала, привычно
Меня называя любимым.

Я думал о Мраморном море,
Куда так хотел, не с тобою.
Твой взгляд был рассеян и дымчат,
Как солнце минувшей весною.

Был полдень струист и прозрачен.
Жизнь двигалась дальше и мимо.
Наш луч превращался в отрезок,
И бурный роман - в пантомиму.

Ты молча и нервно курила.
Лохматился пепел мгновений.
И август, кивнув напоследок,
Садился в трамвай до "Осенней".

Глаза в глаза...

Глаза в глаза, в полночной тишине,
Когда минуты так неумолимы.
И кажется, что мы опять любимы,
И хочется покаяться весне.

Глаза в глаза... Но страх неодолим,
Как мнение, навязанное свыше.
И кот, орущий на соседней крыше,
Печален, как влюбленный серафим.

Глаза в глаза - до боли, до тоски,
До рвущегося из гортани крика...
Но гордости возрастает повилика
И холодом впивается в виски.

И в дрожи ненакрашенных ресниц,
Там, где слеза рождается щипуче,
Любовь восходит на вершину кручи
И падает перед судьбою ниц.

Черт меня дернул...

Черт меня дернул быть с тобой нежным, сыпать искрами и не гасить.

Сам не знаю, как подфартило - нарушить ТБ и не сгореть.

Кажется, ты дошла до кондиции и скоро не сможешь без меня жить.

Кажется, ты вот-вот взмахнешь крыльями, сядешь на шкаф и начнешь петь.

Как хорошо, что у меня есть сердце способное вечно тебя любить!

И как все же здорово, что у меня есть нервы, достаточно крепкие, чтобы тебя терпеть!

Так непослушны чувства

Так непослушны чувства,
Так подневольны руки.
И расстояние пусто
И неподвижны звуки.

Где-то в огне заката,
там, на исходе муки
Смолкнет моя такката...

Грянут судьбы раскаты,
Выстрелят молний луки.

Вне

Душа мертва. Свершилось преступление...
Стирая с губ несказанное слово,
Стою; и злые призраки бывшего
Смеются мне в лицо до иступления.

Почить в огне, на углях сожаления,
На грани ожидания иного.
И в одеяниях Бога всеблагого
Сокрывать лицо, чтоб не увидеть тления.

Твердя молитвы вечные как время,
Шептать: "Спаси! Избавь меня от веры!
Мне не по силам принятое бремя..."

Я разрываю ткань небесной сферы...
Но где же Он?.. Вокруг одни химеры
С тоской в глазах... О каиново племия!

Слова сгорают. Остается пепел.

Слова сгорают. Остается пепел.
Я, этим пеплом голову посыпав,
стою в пыли, как полоумный дервиш,
гляжу в глаза прохожим и зевакам
и слепо верю в праведность молчанья.

И, в страхе умереть без покаянья,
все жду того, кто первым бросит камень
в грехи мои, свершенные во имя
желанной цели - стать тебе любимым.

В пыли утрат - увы, невосполнимых, -
в пыли надежд несбыточных и бранных
рисую сердце прутиком кленовым.

Так трудно быть всегда иным и новым!
Так просто стать привычным и нелепым...

Душа сгорает. Остается... пепел?

Ты, наверно, права...

Ты, наверно, права - мы и вправду с тобой потерялись;
ты конечно права - что-то важное мы упустили.
И бессильны слова, а без слов мы давно разучились
говорить по душам... по сердцам... да и просто по сути,
полагаясь на звуки и жесты, на слух и желанья.

Разойдемся по разным углам, уступая молчанью.
Ты поплачешь в подушку. Я выкурю две сигареты.
А потом, за столом, завершая формальности действия,
согласимся на том, что вели мы себя некрасиво.

Мы дошли до развилки, до края... Да что перспективы...
В перспективе - окно, заметенное до карниза,
и постылая ночь, для которой любви не осталось.

И ведь правда, ведь верно: такая ничтожная малость -
улыбнуться тихонько, без грима, одними глазами...

Но в глазах - пустота обессиленно машет крылами.

Неприкаянность

Неприкаянность - это истина
в самой главной моей инстанции.
Катит поезд, мелькают станции;
нынче Вена, а завтра - Приштина.

Нынче лето, а завтра - листьями
осень шпалы укроет желтыми.
Бесконечными поворотами
канителит меня жисть моя.

Ох ты гой еси одиночество!
развокзальное-разбуфетное,
ты безродное да бездетное,
неизбывное по пророчеству.

Проводник, бодуном взлохмаченный,
будет долго в билет хмуриться;
будет чахнуть в мешке курица,
будет брякать стакан неначатый.

Что ты в паспорт глядишь пасмурно,
Что листаешь его неистово?
Мой билет - это ж вид на жительство
в государстве купейно-тамбурном.

Ты пойми, старина, главное:
все давно уж переосмыслено.
Неприкаянность - это истина,
А все прочее - от лукавого.

Белым по белому

Метаморфозы

Твоя любовь была так внезапна
и так горяча -
как старая добрая шутка:
свежеиспеченной картошки
за шиворот
и раздавить.

И пока ты с милой улыбкой
наблюдала
мои дергания и прыжки
под аккомпанемент трехэтажного мата,
я, кажется, перестал
учиться тебя понимать.

Я выбросил все шпаргалки -
все равно ведь не сдал бы экзамен.

Я сжег все учебники
("Женская логика",
"Женская психология",
"Женское счастье").

Я стал изучать астрономию
и язык птиц;
учился читать по лицам,
не видя лиц;
учился смотреть в окна
и рано гасить свет;
учился не видеть разницы
между да и нет.

Я стал человеком
способным смотреть на солнце
без темных очков;

я стал человеком,
который не может смотреть на женщин,
без темных очков;

я стал человеком,
далеким от всего,
что не касается технологии выживания
в экстремальных условиях.

Я стал человеком,
который звучит гордо
и пьет гяссе;

Я стал человеком -
вещью в себе,
таким как все.

Постапокалиптическое

Сдох холодильник,
сотовый мой оглох,
в ручке высохла паста,
компьютер
забыл все пароли и явки,
машину угнали...

телевизор сгорел,
я где-то посеял часы...

Что-то ж еще...

Ах да!
как выясняется,
ты тоже сегодня ушла...

Оказалось,
что счастье -
это немного не то,
что мы представляли.
Оказалось,
что горе -
это немного не то,
чего мы боялись.

Самое время
начать эту жизнь сначала,
а лучше - с конца.
Иль вообще купить себе новую.
Или...

К черту!

Стою под дождем
на соборной площади
и кормлю голубей булкой.

Я - скелет

Я - скелет
в шкафу вчерашнего дня -
сизу в углу,
под твоими платьями -
в белом кашне на шее,
в зеленом чепце на черепе.

Ты прячешь меня
от посторонних глаз
и от собственных мыслей,
но вряд ли тебе удастся
когда-нибудь
забыть обо мне навсегда.

Ты используешь меня как манекен.
Твоя сестренка
играет со мной в дочки-матери.
Моль
уютно устроилась
у меня под ребром.

Все хорошо,
мило так, по-семейному,
но это пока -
пока однажды кому-то из нас
не надоест
весь этот фарс...

И я почему-то думаю,
что этим "кто-то"
окажется моль.

Не догоню...

Ты так хороша под маской заката,
милая!
Ты как-будто горишь в этом огне,
ты стала совсем рыжая.
Солнце мое! на фоне солнца,
на фоне неба
ты то ли танцуешь, а то ли летишь
ветром.

Я за тобой
припуцу
по Углям сгоревшего прошлого,
спотыкаясь о дни,
обжигая пятки о ночи.

Вот бы догнать!..
Но сердце мое
быстрее стучать не хочет,
и душа,
опускаясь куда-то в живот,
оказывается просто одышкой.

Не догоню...

Вот скинуть бы лет надцать!
Сбросить бы груз дней,
прожитых без тебя
и бежать,
бежать,

без оглядки на прошлое,
за тобой,
улетающей
в закатное рыжее небо
ангелом
на метле моего одиночества.

Мой город - птица

Мне виделось:
мой город - птица,
свободная белая птица,
летающая
на распластанных крыльях прожитых лет
куда-то
в неверное будущее,
туда,
где то ли костер поминальный,
то ли солнечный свет
неярко
несмело
горит в замороженном небе;
где меня нет,
где меня уж давно забыли
или просто не помнили
никогда...

Мой город - птица,
сбитая временем на земь.

И тот, кто казался
свободным,
белым,
стремительным
там, в небесах, -
теперь, на земле,
оказался
серым,
поблеклым,
промокшим в дожде,

неподвижным и жалким
поделаем таксидермиста.

История полетов

Упал... Поднялся.
Упал... Отжался.
Упал... Умер.

Пророс.
Взошел.
Расцвел.
Оторвался.
Полетел...

Сегодня весь день...

Сегодня весь день
гроза прибывала к земле
одинокую душу,
душу мою, в которой смешались море и суша.

Душа моя билась
в холодных сетях ливня
как рыба,
холодная скользкая рыба,
пуча глаза и беспомощно открывая рот.

Душа моя билась
в холодных сетях ливня
как птица,
как бедная слабая птица,
в когтях у играющего с ней кота.

Душа моя просто
промокла насквозь
и просила
просила тебя запустить погреться,
но у тебя не нашлось для нее сухих носков и огня...

Сегодня весь день
гроза прибывала к земле
одинокую душу,
душу мою, в которой смешались небо и лужи.

Шепотом

Во сне твоём, где кружат звезды-птицы
над скриплой каруселью мироздания,
улягусь я на покрывале ночи,
под голову нарвав прозрачной ваты
из облаков, стремящихся к рассвету.

Улягусь где-то на краю дороги,
отбросив посох, - пилигрим усталый, -
и буду слушать тихий шорох ветра
в цветах и травах, что в меня вырастают.

В цветах и травах, где угаснут звезды,
упавшие с небес листвою осенней,
останусь вечно придорожным камнем.

Навек в тебе, навек в твоих объятьях;
и пусть застынет время мертвой глыбой...

Я снюсь тебе?.. Молю, не просыпайся!

Гроза

Гроза наползает на город
черным удавом;
обхватывает,
душит,
и отпускает,
словно играя.

Потом открывает пасть
и заглатывает,
медленно и постепенно,
этого испуганного кролика,
потерявшегося
в сумерках мироздания.

Над Хюглафьордом дождь

Дождь покрывает рябью
плавные волны, ползущие из дымки на берег.

На волнорезе, черном от влаги,
тонкий силуэт под зонтом.

Ветер соленый касается губ
поцелуем со вкусом влажного неба.

Чайки притихли, притихли скалы;
слышно как часы ползут к долговому вечеру.

Из кафе на берегу запах жареной рыбы,
кофе и неторопливого счастья.

Я стану ветром

Я стану ветром

в поле,
над рекой,
уснувшей под туманом, павшим с неба.

Я стану ветром

в тесноте пустынных улиц,
притихших под миганием фонарей
в молчании невыносимой ночи.

Я стану ветром

медленным и тихим
играющим в душе твоей усталой
печальной несмолкающею скрипкой.

Я стану ветром,

без судьбы и цели,
носящимся от неба и до неба,
от пустоты до пустоты двукратной.

Я стану ветром,

просто стану ветром,
когда умру, вдохнув неосторожно
твоей любви, отравленной надеждой
на то, чему случиться невозможно.

Матушке

Как-то так незаметно
ты стала совсем седой.
Ты пахнешь теперь не духами,
а чем-то забытым
и небом после дождя.

Семенишь, уходя.

Провожая глазами,
пока не скроешься
за углом.

Побежать бы следом,
по лужам,
как раньше,
давно-давно,
взять за руку
и повести в гастроном
пить томатный сок...

Но время,
это чертово гнусное время,
это
невыносимое
бремя -
это чьи-то жестокие руки,
рвущие жизнь на клочки,
как исписанные
не теми словами листки -
рвут
и бросают на ветер.

Рвут...
и бросают...

И невозможно вернуться,
и невозможно уйти,
и не остановиться
на полпути.

Я как в детстве -
скачу за тобой
на деревянной лошадке
и не понимаю,
почему же никак
никак
не могу догнать.

...А я улетаю,
оставив глаза и душу
в аэропорту,
возле тебя...

Стюардесса
разносит напитки,
лопочет
и улыбается...

А ты,
я знаю,
ты плачешь...

Облака
проносятся мимо
со скоростью времени...

А ты,
я знаю,
ты плачешь...

Слушай,
если еще хоть одна слеза твоя
упадет
на истоптанный миллионами ног
этот грязный бетонный пол, -
полет прекратится,
потому что я
пойду
и дерну стоп-кран

и стану птицей...
И стану ветром
и стану пеплом
и стану чем-то
невыносимым,
неумолимым,
неутолимым
и неизбежным...

Что-то

Вечер играет
на струнах дождя
что-то из прошлого.

Слушаем,
и не слышим,
и не включаем свет,
потому что не хочется,
потому что страшно
увидеть глаза напротив,
в которых
вечер играет
на струнах будущего
что-то надрывное -
что-то очень похожее
на одиночество.

Вдруг

В переплетении улиц -
этих нервов огромного города,
дрожущих от напряжения -
мелькнуть
то ли неоновым бликом,
то ли тенью, отброшенной ветром.

Разбиваясь о скалы стен
отражением гула клаксонов, сирен и моторов,
задыхаясь в бензиновой гари, в толпе, в переходах,
пропадая в пасти подземки
и выходя на поверхность
обглоданным,
серым,
безликим;

в рывке,
начинающем новый забег
в никуда
ниоткуда,
в тоске
обреченного на вымирание
ситиозавра,
в безумстве
погони за завтра
или
избегания вчера

вдруг

споткнувшись,

матерясь и хрипя,
упасть посреди улицы
обломком толпы,
не чувствуя ног,
и увидеть
в асфальтовой трещине
тихий
пробивающийся
к небу
вьюнок.

Не будь моею навеки

Не смотри на меня и не слушай,
не готовь мне борщ, не покупай рубашки
не жди с работы и не будь моею навеки -
это все лишнее.

Просто сделай так, чтоб иногда, проснувшись,
я видел как ты прихорашиваешься перед зеркалом,
прежде чем опять уйти от меня навсегда
и вернуться завтра.

"I Love u" virus

ось моей головы
повисла
и машет дровами
и бьется о камень
в попытке нащупать ядро;
насилую клавишу,
но демоны все передохли,
и дело не в матери,
дело, похоже, - в тебе.

ты - вирус,
пробравшийся
в LAN моего одиночества;
ты скрипт
отключивший мой фаервол,
ты сносишь дрова,
форматишь винты,
ты внедряешься в BIOS...

и, падая в BSOD,
я сдаюсь -
нажимаю
RESET.

Не так

Ты смотришь сегодня не так,
я это вижу.
В глазах твоих прячется вечер
и что-то еще -
незнакомое и тревожное,
пасмурно-осторожное.

Ты говоришь сегодня не так,
я это слышу.
В твоих словах прячется горечь
и что-то еще -
холодное, нетерпеливое,
отсутствующе-фальшивое.

Сидим за столом,
полночь тревожа светом.
Бьется в окно мотылек,
как сердце о тишину.
И холодом где-то в затылке
рождается ощущение,
что мне не выплыть из прошлого,
что в нем я и утону.

Твоя душа

Твоя душа - как старый чемодан с металлическими уголками, в котором хранятся все ненужные вещи, которые жалко выбросить.

В нем валяются старые письма от какого-то из твоих бой-френдов, сломанные часы, подаренные на совершеннолетие отцом, твой школьный дневник, сохраненный на память матерью, сборник стихов Хайяма, пустая пачка от редких сигарет, учебник латыни, гусиное перо, чехлы для коньков и прочий ненужный хлам, наваленный туда вперемешку и мешающий дышать мне - мне, лежащему на самом дне.

Весна на Олимпе

В воздухе пахнет весной,
оливками, морем и сыром...

Олимп захламлен
пустой стеклотарой,
окурками,
стаканчиками от мороженого,
собачьими экскрементами,
и прочим дерьмом.

В мартовском солнце
бродят туристы и щелкают фото,
и говорят не на койне,
и думают, что Геракл -
это тот, который убил Ахиллеса
и захватил Троию.

Сизиф позирует с камнем
за "Camel", или за банку пива.
Прометей давно приручил орла
и теперь выступает с ним в цирке.
Ясон торгует руном,
Одиссей катает туристов на лодке
и травит байки.

Боги собрались в беседке
на том берегу Леты,
пьют кока-колу и виски,
поют под гитару,
прикуривают от молний Зевеса
и матерятся.

В воздухе пахнет весной,
мифами, солнцем и вечностью...

Истина

Вечно закрытая дверь
в старый чулан,
в котором хранятся
пыльные вещи, потерявшие свою актуальность,
но не утратившие своего назначения
в отличие от нее,
сохранившей свою актуальность,
но напрочь утратившей свое назначение -
хотя б иногда открываться.

Улететь

Отразившись во взгляде
мартовского кота,
тенью скользнув
по опрокинутому в лужу небу,
пройти, балансируя,
по краю рассвета
и раствориться
во вчерашней наивной мечте.
И там, в ее высоте,
скинув пальто
ненужное больше,
расправить крылья
и улететь
от автобусов,
грязи,
попсы,
сигарет
и рекламных щитов
серого города,
в иное пространство,
где под ногами - небо и радуга,
где мартовские коты
ходят по звездам,
поставив хвосты трубой
и грозовО мурлыча,
где вся вселенная -
это рыжая бабочка,
севшая на ладонь.

Urbis et orbis

Устал я от вас.

Я бы никогда не сказал тебе,
что ты некрасива.
Но ты выбрала этого идиота,
а он всегда говорит правду.

Я б никогда не сказал тебе,
что ты дура,
но ты увязалась за ним,
а он любит умных.

Наконец, я б никогда не стал
называть тебя истеричкой,
но ты предпочла его богатый словарный запас
моему бедному.

Да-да, моя дорогая,
ты просто ошиблась в выборе.
А все потому,
что ты некрасивая истеричная дура.

Десять тысяч

Когда впереди
еще десять тысяч завтра,
порой так страшно бывает
показаться смешным.

Когда позади
уже десять тысяч вчера,
так страшно бывает порой
показаться серьезным.

На мосту остановка запрещена

Наши трамваи встретились на мосту...

Твой рассеянный взгляд
стал острым, проснувшимся и веселым,
когда заметил меня...

Я вскочил,
лихорадочно соображая,
можно ли выпрыгнуть на ходу...

Но смысл?..

Твой трамвай направлялся к вокзалу,
мой - в никуда...
А согласно правилам,
на мосту остановка запрещена.

Наши взгляды,
соединившись,
растягивались как шпагат,
тормозили вагоны...
Но
электричество победило -
шпагат лопнул,
и ты снова исчезла
в набившем оскомину
"навсегда"...

Я пуля, ты мой солдат

Я пуля,
я дура,
и вряд ли уже поумнею.
Да надо ли?..
Ведь то, что я делать умею,
я делаю хорошо.

Я пуля, ты мой солдат,
я стану твоей навеки,
я верная,
мы будем вместе,
умерев в один день...
Умерев.
Ведь то, что ты называешь сердцем, -
это мой ад,
ведь это МНЕ
холод и вечность,
А тебе - только боль,
которая
скоро пройдет...

Готов?..
Давай, мой хороший:
по грязи,
по ветру,
по кронам деревьев -
на взлет...

Страж пустоты

Меня утомила
постоянная мука выбора
между красивым и нужным,
между смехом Арлекино
и тоской Гамлета,
между чувством и словом,
между вчера и сегодня.

На ступенях эскалатора вечности,
ползущего в никуда,
лечь,
подстелив
завтрашнюю газету,
свернуться калачиком
и уснуть...

Я рыцарь времени,
я пилигрим надежды,
я страж пустоты.
Я сплю у вас под ногами.
Не наступите.

Дрожь

В коконе одиночества
приняв позу зародыша,
питаться соками времени
и не верить в пророчества
Доктора, ничего не смыслящего,
в определении симптомов нужности;
и копошиться в утробе вечности
знаком вопроса,
факториалом небытия,
символом бесконечности.

Вечер крадется...

Вечер крадется
черно-бурым лисом,
принюхиваясь к тишине,
поскуливая
от предвкушения добычи.
Крадется ко мне -
серому мышу
предместий большого города,
путающему следы
в безнадежной попытке скрыться.

Нервно лизнув воды
из туманного озера,
припадает к земле,
а глаза - лукавы и пасмурны.
И как бы я ни старался
спрятать себя - в переулках,
в подземке,
в подъезде
в работе,
во сне, -

он найдет меня,
и мой одинокий писк
станет прощальным гимном
уходящего дня.

Любовь была

Любовь была так мимолетна...
Как нота в одну восьмую,
как тихая улыбка Бога,
как беглый поцелуй ребенка...

Любовь была.

Женщина-кофе

Женщина-кофе приходит ко мне вечерами -
женщина
со вкусом любимого марагоджип.

Обжигающей горечью,
проливаясь в душу, она
лишает меня
отрешенности,
сна,
благоразумия
и тишины.

Распугивая
еще не приснившиеся сны,
рассекая,
как гордиев узел,
сплетения нервов,
все дальше и дальше уводит меня от меня,
приучая
к кофеину своего присутствия.

Становясь моей неизлечимой манией,
становясь моими новыми снами,
запуская часы в обратную сторону,
женщина-кофе приходит ко мне вечерами.

Лед

А страсть бывает иная -
как лед,
что долго и жгуче
плавится в сердце
и падает в душу, -
как в вИски, -
бросая
душу
в озноб.

Еве

(Ты сделана не из ребра...)

Ты сделана не из ребра моего, я знаю.
Тебя отлили из стали на каком-то заводе.
Кузнец выковал тебе сердце, а токарь
выточил уши, глаза и все остальное.

Потом тебя водрузили на постамент
как символ единства каст и победы труда,
победы железного сердца над сердцем из плоти,
победы воли над чувством,
победы серпа над яйцами...
Да просто - победы.

Я влезу и встану рядом с тобою,
дождливо дрожа от холодного ветра,
взяв в руки молот, как символ веры
в светлое будущее -
веры в надежды, которые вдруг не обманут,
веры в способности сердца к теплоотдаче,
веры в наивные взрослые детские сказки,
веры в любовь, которая вдруг...
Да просто - веры.

Люди не летают

Он любил повторять,
что люди не летают
и в доказательство
сталкивал тебя с высоты.
И ты ему верила, верила,
раз за разом падая в грязь.
Но однажды
падать тебе надоело
и ты,
облегченно смеясь,
взмахнула крыльями
и улетела.

Птица

Ты - корабль, стоящий в гавани
моего одиночества,
ты - луна, на которую можно поковыть,
ты - цепи,
окно,
пророчество,
которому, верь не верь,
однажды придется сбыться,
и тогда
в лабиринте,
быть может, последних потерь,
в дальнем его тупике,
белым пятном
отразится в зрачке
дверь,
за которой, во тьме,
в клетке из прожитых лет
сидит и поет моя белокрылая птица...

И будет хотя бы надежда,
что это не снится...

Рецепт приготовления одиночества

На крыльях одиночества
не улететь далеко,
но все же
в нем тоже есть польза -
ведь если
его ощипать
и содрать с него кожу,
потом посолить
и, перцем посыпав по вкусу,
пятнадцать минут потушить
на слабом огне ожидания чуда
в мадере надежды,
то можно в конце
получить полноценное блюдо.
Но прежде,
чем приступить к поеданию,
неприменно следует
плюнуть на все
и
загадать желание.

Пустота

Видишь, как пусто в доме?
Это все ветер...
Не стоило так широко
открывать окна.

Слышишь, как тихо в доме?
Это все вечер...
Не следовало
задвигать шторы
и зажигать свечи.

Чуешь, как холодно в доме?
Это все осень,
рыжей приبلудной собакой
свернувшаяся у огня...

Знаешь..?
А впрочем,
какая разница -
ведь все равно ты
больше не любишь меня...

Когда она вдруг уйдет

Когда она вдруг уйдет,
с нею вместе
уйдут телевизор, диван,
библиотека,
вода из-под крана и сам кран,
электричество, крыша
и сигаретный дым.
И даже каштан,
который растет под окном,
тоже двинется следом.

А ветер
соберет
все мои рифмы
в фартук из облаков
и унесет за нею.
Я буду сидеть за обедом
один,
совсем одинокий,
и пасмурно-холодно дуться
на моего кота,
который - предатель! - сбежал,
но обещал вернуться.

А потом
я тоже уйду,
оборвав провода
и оставив обеденный стол,
на котором
сваренная ею бурда
давно безнадежно остыла.

Уйду, в никуда,
не оглядываясь,
зная,
что за мной - никого.
Ведь даже тень моя
мне изменила.

Колыбельная

Спи.

Я выключу всех петухов
в радиусе километра.

Спи.

Я разобью все фонари,
чтоб не светили всеу.

Спи.

Я из рогатки собью луну
и пинков надаю ветру.

Спи.

Я морским узлом завяжу
Звонкие дождевые струи...

Спи...

Я буду твоим сном -

цветным,
эротическим,
сладким...

Бесшабашным
котом

мартовским

(Мр-р-р!)

на нежности падким...

Везде, куда смогут добраться

мои очумелые губы,

затлеют

на бархатной коже твоей

терпкие поцелуи...

А руки,
мои загребущие руки,
теряя сознание
от встречи
с тайными тайнами
твоего мироздания,
заблудятся в чаще волос...

И дрожью
и стоном
и звоном
падающих с неба звезд
станет душа,
готовая вспыхнуть...

Эй, любимая,
радость моя,
может быть хватит дрыхнуть?..

Сегодня утром я проснулся, а тебя -
нет.

Ты просто взяла и ушла,
оставив мне только
вмятину в обивке софы,
запах духов
и кастрюлю котлет.

Осень ходит по дому,
скрипя половицами,
и заглядывает в шкафы,
и садится в кресло-качалку,
в которое садилась ты,
прося почитать стихи...

Софа скоро сбросит с себя твой силуэт.
Ветер выгонит из дому запах духов.
Котлеты я съем.
Мне на память останется только память -
одинокая тусклая память -
и мой зарифмованный бред...

Сегодня утром я проснулся, а тебя -
нет.

Покой

Где-то планеты сходят с орбит
и падают в вечность,
где-то время стирает с земли
народы и города,
где-то плачут по мертвым
или радуются пришедшим...
А я лежу
на солнечном склоне холма
и ем землянику.

Когда я однажды состарюсь...

Когда я однажды состарюсь
и снова вернусь
в мое босоное детство,
Господи!
пусть там будут
поляна в росе,
беседка под тихим дождем,
река за туманом,
ручка
и много бумаги.
Но никогда, -
Господи, слышишь?! -
пусть никогда, -
умоляю! -
никогда
там не будет часов!

Звонарь

Каждое утро,
по пыльным
скрипучим
ступеням
рассвета,
поднимается он
туда, где играет солнце
на медных боках
церковных колоколов.

Истово перекрестясь,
обронив молитву,
из теплых и сонных слов,
ватой заткнувши уши
берется он за веревки,
и,
раскачав
медные
души,
распугав задремавших
солнечных зайцев
и голубей,
бросает вниз
переливы громов,
которые,
пробежав по головам тополей,
эхом волнистым
ложатся на розу ветров
и уносятся к небу.

Оглохнув от гула,

ослепнув от солнца,
задыхаясь от бесконечной радости бытия,
он пляшет под звонами,
он бьется в веревках,
как птица в сетях
дождевых струй...

Поют и поют медные глотки.
А там, далеко-высоко в небесах,
старец Господь сидит
над стаканом росяной водки
и, щеку подперев, слушает
с тихой улыбкой в глазах.

Что ж ты не спишь?

Что ты не спишь,
мой загрустивший город?
Притих,
побледнел
и даже осунулся.
Сиплая вьюга -
это еще не повод
для серой бессонницы...

Ветер,
взобравшись
под крышу звонницы,
трогает
сонные колокола;
и тихая,
блеклая,
потусторонняя мгла
запрягает душу в повозку ночи
и беретса за повод...

Что ж ты не спишь,
мой загрустивший город?

А небу и невдомек...

Небу невдомек,
что уже полмесяца как пришла весна.

Простуженно кашляя,
небо бросается в город снегом,
липким холодным снегом,
а ветер,
этот промозглый,
гудящий,
по-зимнему мрачный ветер
подхватывает
и куда-то уносит вечер,
во мглу запелёнатый вечер,
оставляя на сердце ночь,
с которой сердцу не справиться,
которая сердцу невмочь.
И сердце,
не выдержав холода,
тоскливого ледяного холода,
впадает в анабиоз,
медленно замерзает...
вздрагивает и замирает...
И, кажется, умирает...

А небу и невдомек,
что уже полмесяца как пришла весна.

Аделаида

Аделаида...
Как шорох и плеск океана.
Как звон колокольчика на пагоде.
Как скрип колеса вечности.
Как шепоток тишины.

Аделаидой назвал я
вон ту звезду на востоке.
И меня не скребет,
как ее называют другие -
Вега, Венера иль, может быть, Альдебаран.
Теперь это - Аделаида,
и это - МОЯ звезда.

Замороженными зимними вечерами
я буду сидеть у окна
и смотреть на мое сокровище.
Я буду слушать как шуршит о песок
шершавый язык океана;
как звенит колокольчик на пагоде
в заснеженном Жикацзэ;
как скрипит колесо вечности,
отсчитывая прожитые кем-то жизни;
как шепчет мне тишина:
Аделаида...

Я был раздавлен на стенке...

Я был раздавлен на стенке в спальне хрущевки
девушкой Катей во время генеральной уборки.
Мальчик Игнат зеленой пририсовал мне крылья,
пока отбывал наказание в углу за испорченную кофемолку.
Папа Игната - художник - увидел во мне картину
с претензией на гениальность и постмодернизм.

Тогда я был вырезан ножницами вместе с куском обоев
(бежевых, с флером, немецкой компании "Rasch")
и куплен с аукциона за баснословную сумму
в четырнадцать тысяч американских рублей
каким-то чудаковатым японцем, обожающим хокку и танка
и созерцательно пьющим на ужин разбавленную теплую водку
под названием сакэ.

Японцы, они вообще очень странные люди -
часами могут сидеть и смотреть на свой пуп,
представляя, что проникают в просторы вселенной,
особенно после разбавленной теплой водки,
которую, кстати, они тоже сперва созерцают,
как-будто от созерцания водка способна стать крепче.

И этот забавный японец по имени Сёдзу
вставил меня в деревянную желтую рамку,
повесил на стену и, приняв сначала на грудь, а потом - позу
Будды,
долго и нудно меня созерцал затуманенным взглядом,
чмокал губами, сопел и что-то шептал по-нерусски,
напрочь забыв про каллиграфию, бусидо, и рэндзю...

Так и живу я с тех пор посреди оригами,

хокку, бонсаи, кимоно, икебана, татами,
гейш, камикадзе, хентай, годзилл и просто японцев -
самый обычный российский (когда-то - советский)
раздавленный девушкой Катей во время уборки
и мужем ее превращенный в шедевр постмодернизма
клоп.

Этюд акварелью

Дремлет по чашкам забытый кофе, зачах бутерброд на тарелке,
чайки кружат и кричат над укрытой туманом лагуной,
ветер осенний тихонько играет на нервах рассвета,
и нас еще - двое...

Кофе допит, вонюче дымит непогасший окурок,
чайки притихли, дождь моросит, норовя заскочить на веранду,
ветер нетрезво шагает по лужам в обнимку с полуднем,
и кажется, я - один...

Съем-ка я бутерброд - не пропадать же добру...

Ревность

Рассвет,
белым котом,
забрался к тебе на колени.
Ты ласково гладишь его,
а во мне просыпается ревность.
Я тоже хочу быть котом,
но только -
полуночно-черным;
и так же
лежать у тебя на коленях,
дремотно мурлыча,
и впитывать кожей
твои осторожные пальцы,
блуждающие
в сумраке моих сновидений.

Никогда

"Никогда" - это приговор
к пожизненному заключению
в душевной камере воспоминаний,
из которой уже не выбраться
никогда.

"Никогда" - это выстрел
засевшего в укрытии снайпера-времени,
который холоден и сосредоточен
и не даст промаха
никогда.

"Никогда" - это бездна,
в которую падаешь вечно
и не можешь взлететь над нею,
потому что крылья надежды не вырастут уже
никогда.

"Никогда" - это конец без начала
и начало без конца;
Рубикон между нельзя и нужно,
который не перейти
никогда.

"Никогда" - это сон
забытый по пробуждении
и оставивший только смутную память
о том, чего не было
никогда.

О, время...

убей себя о вечность!

Все, что осталось

Все, что осталось
мне от тебя -
розовая,
улыбчивая,
нарисованная губной помадой
на зеркале в ванной
улитка.

Скоро ее тоже не станет.
С кем я тогда
буду говорить по утрам?

Спой меня

Спой же меня,
как песню,
хотя бы напой мотив,
буквально два такта
и этого будет достаточно,
чтобы в шорохе
наклонившихся к озеру ив,
там, где так хрупок
где так прозрачен
утренний свет,
сердце мое
вдруг
что-то неровное,
что-то очень знакомое
простучало в ответ.

Останься!

Останься!

Хотя бы в моей голове,
хотя б ненадолго -
до первого сотрясения мозга,
до пули в висок.

Останься!

Я буду с тобой новым.
Мои мысли
будут покорно
ложиться у твоих ног.

Останься!

Я больше не буду
говорить избитых комплиментов,
я выветрю из души
унылой привычки смог.

Останься!

Я обязательно
починю все розетки
и сделаю даже то,
чего никогда не мог.

Останься!

Ведь только с тобой
я могу быть так долго,

так бесконечно,
так яростно
одинок.

Если Вам понравилась эта книга, Вы можете выразить свою благодарность автору в материальной форме, перечислив любую сумму, соразмерно полученному удовольствию, на электронный кошелек

WMR 393-015-032-979

WMZ 307-674-556-289

Спасибо!

*** *** ***

NORD VIND

Издано по инициативе и на средства библиотеки сайта
«Nord Vind»
<http://nordvind.ucoz.net>

**NORD
VIND**

Konlangerna af alsta laend, fereenense!